

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Чарльзом Тилли

ТИЛЛИ Чарльз (Tilly, Charles) — американский историк и социолог (1929–2008).

Чарльз Тилли¹ (1929–2008) — профессор общественных наук Колумбийского университета. Его исследования преимущественно концентрировались на изучении широкомасштабных социальных изменений и их связи с конфликтной политикой, особенно в Европе, начиная с 1500 г. К его последним работам относятся «Политика коллективного насилия» [Tilly 2003], «Противостояние и демократия в Европе, 1650–2000» [Tilly 2004a] и «Социальные движения, 1768–2004» [Tilly 2004b]. Незадолго до смерти — в апреле 2008 г. — Тилли получил премию им. Хиршмана (Hirschman Prize) от Совета по исследованиям в области социальных наук (Social Science Research Council).

— Становление Вашей академической карьеры проходило в условиях ревизии марксизма, возникновения общих теорий социальных изменений и теорий социальных революций в частности. Однако парсонизм всё ещё доминировало в мейнстриме американских социальных наук. Почему Вы выбрали первый путь, а не второй?

— Большую часть моей студенческой жизни я провёл в Гарварде, где Толкотт Парсонс (Talcott Parsons) задавал тон научной жизни. Вполне естественно, я присоединился к оппозиции.

— Вас всегда вдохновляла возможность исследовать процессы в длительной ретроспективе. Кроме того, интерес к взаимоотношениям между социологией и историей проявлялся во многих Ваших работах, как, например, в книге «Большие структуры, крупные процессы, значительные сравнения» [Tilly 1984]. В какой степени этот интерес сформирован Вашим бэкграундом, в частности, влиянием Баррингтона Мура (Barrington Moore)?

— В большой степени этот интерес был определён тем, что моё становление как личности пришлось на период между Великой депрессией и Второй мировой войной. Что касается Гарварда, то не только Баррингтон Мур, но также Питирим Сорокин (Pitirim Sorokin), Самуэль Бир (Samuel Beer) и, что более удивительно, Джордж Хоманс поощряли системно-исторический анализ.

— Вы проходили обучение вне Американской академии; так, с самого начала Ваших занятий Вы оказались в центре французской академической жизни. Оказал ли этот опыт влияние на Вашу

Источник: SSRC.Tributes to Charles Tilly. www.ssrc.org/essays/tilly/resources

Пер. с англ. Муратовой Ю. Р.

Науч. ред. Радаева В. В.

¹ Впервые опубликовано на португальском языке в журнале «Tempo Social» факультета социологии университета Сан Пауло (Бразилия) в специальном выпуске по экономической социологии (Vol. 16. No. 2. November 2004. P. 289–297).

академическую деятельность? Точнее, мы имеем в виду влияние на Ваш интерес к сравнительным исследованиям, а также на попытки совместить структурный и процессуальный анализы.

— Моя вовлечённость во французскую академическую жизнь дала мне возможность несколько дистанцироваться от американского академического истеблишмента. Вследствие этого я также был приписан к левому крылу школы «Анналов»², что легче воспринималось в 1960-х, нежели в 1970-х годах и позднее. Поскольку я посещал занятия и сдавал вовремя все работы, мне посчастливилось организовывать многие международные семинары в the *École des Hautes Études*³, что подпитывало мой интерес к сравнительным и историческим исследованиям.

— *В течение Вашей длительной карьеры в качестве исследователя и профессора Вы работали во многих университетах и написали около 50 книг. Если охватить весь Ваш интеллектуальный путь, можно ли разбить его на какие-то этапы, отличающиеся особой исследовательской тематикой? Или, скорее Вы охарактеризовали бы всю Вашу карьеру как всепоглощающее исследование конфликтной политики (contentious politics)?*

— По словам Ричарда Хогана (Richard Hogan)⁴, мою карьеру довольно точно можно охарактеризовать как долгий и трудный переход от структурного редуционизма к отношенческому реализму. Однако изучение конфликтной политики является лишь одним из моих исследовательских интересов. Начиная с 1970-х годов я изучал трансформации государства, а также приложил достаточно много усилий для изучения городов, процессов урбанизации, исторической демографии и логики объяснения.

— *С момента опубликования в 1970-х годах книги «От мобилизации к революции» [Tilly 1978] и до момента выхода книги «Социальные движения, 1768–2004» [Tilly 2004b] Вы пытались выстроить теорию среднего уровня для объяснения процессов коллективной мобилизации (collective mobilization). Корректно ли будет заключить, что Ваш аналитический подход постепенно изменялся таким образом, чтобы полнее охватить культурный аспект коллективной мобилизации? А если это так, было ли это своеобразным ответом на теории социальных движений?*

— Честно говоря, я никогда не разрабатывал «теорию» коллективной мобилизации, но я действительно работал над объяснением этого феномена на протяжении всей моей карьеры. Я бы не назвал мои недавние модификации аналитического подхода попыткой инкорпорировать культурное измерение. Я бы скорее сказал, что стал уделять больше внимания динамике отношений одновременно по многим измерениям.

— *В Вашей научной карьере чувствуется большая доля полемичности, начиная от критики теории модернизации вплоть до нынешних дебатов с теоретиками новых социальных движений. Можете ли Вы согласиться с тем, что Ваши работы постоянно подпитывались этой интеллектуальной борьбой?*

— Я всегда пытался отделить мои попытки что-то объяснить от полемики как таковой. В десятке последних моих книг я намеренно старался снизить уровень полемизма в пользу более чёткого

² Школа «Анналов» (фр. *École des Annales*) или «Новая историческая наука» (фр. *La Nouvelle Histoire*) — историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком. Эта историческая школа оказала значительное влияние на формирование всей французской историографии XX в. — *Примеч. науч. ред.*

³ Престижное высшее учебное заведение особого типа, где студенты продолжают своё обучение с целью получить степень доктора наук. — *Примеч. перев.*

⁴ См.: [Hogan 2004]. — *Примеч. перев.*

объяснения. Эта попытка, конечно, требует и указания тех объяснительных конструкций, которые предлагается отвергнуть, чтобы принять мою точку зрения. В то же время другие коллеги часто вовлекали меня в разного рода полемику в качестве критика или того, кто реагирует на критику.

— *В последние годы наблюдается развитие так называемой новой экономической социологии, нацеленной на возобновление диалога между социологией и экономикой. Видите ли Вы какую-то новизну в этих дебатах? Оказали ли эти новые подходы какое-либо влияние на анализ длительных исторических процессов? Будучи включённым в интенсивный диалог как с европейским, так и с американским академическим сообществом, можете ли Вы назвать какие-либо существенные отличия в стилях французской и американской социоэкономики?*

— Я постоянно обращаюсь к экономико-социологическому наследию в моих исследованиях социальных и экономических изменений. Моя точка зрения на экономико-социологическую проблематику наилучшим образом отражена в книге, написанной в соавторстве с моим сыном, «Работа при капитализме» [Tilly, Tilly 1998], которая, увы, не оказала практически никакого влияния на развитие данного направления. Да, обычно европейские исследователи хозяйственных процессов, включая экономистов, склонны определять свой предмет в рамках политической экономии, что даёт им возможность исследовать более крупные структуры и процессы. Североамериканские экономические социологи часто пытаются заслужить внимание и уважение со стороны североамериканских экономистов, которые с гораздо большим удовольствием работают со сравнительной статикой. В результате американская экономическая социология работает преимущественно в тени статической экономической теории.

Что касается экономической социологии, то она имеет интересную историю. Ричард Сведберг утвердил себя в качестве историка данного направления, благодаря чему теперь мы можем проследить историю его развития намного лучше, чем прежде⁵.

Отцы-основатели социологии, в том числе Огюст Конт, Карл Маркс, Макс Вебер, Герберт Спенсер и Георг Зиммель в своих работах уделяли немалое внимание хозяйственным процессам. В самом деле, социология получила своё собственное, отдельное от экономической теории развитие в попытках объяснить индустриализацию и проследить её воздействие на социальную жизнь. Развитие формальной экономической теории к концу XIX в. двояким образом повлияло на анализ хозяйства с социологической точки зрения. Во-первых, экономисты продвигали идею о том, что грамотный экономический анализ включает формальное изучение цен, рынков и процессов принятия решений, а не объяснение хозяйственных изменений. Во-вторых, на этом фоне социологи ретировались в область общего изучения социетальных изменений, с одной стороны, и детального описания условий жизни — с другой.

В результате в первой половине XX в. экономические процессы как таковые не привлекали особого социологического внимания. Однако по мере того, как после Второй мировой войны экономисты занялись разработкой экономических теорий развития (development economics), демографы и социологи начали претендовать на своё собственное место, выказывая интерес к изучению демографических изменений, социального развития, модернизации и других связанных с этим вопросов. Возникло что-то наподобие экономической социологии, занимающейся сравнительным анализом целых хозяйств. Толкотт Парсонс и Нил Смелсер совершили отчаянную попытку охватить в рамках социологического анализа все экономические процессы, но их старания не убедили экономистов. Подъём теорий зависимости (dependency theories) дал новый стимул для социологов, но полностью захватить это поле им не удалось.

⁵ Имеется в виду работа: [Smelser, Swedberg 1994]. — *Примеч. перев.*

Экономическая социология, как она определяется североамериканскими исследователями, была сформирована в результате двух попыток: а) расширить область применения существующих экономических моделей к анализу таких явлений, как религиозные организации, социальные движения и организационные процессы; здесь пионером является Джеймс Коулман (James Coleman); б) уточнить, как социальный контекст — особенно межличностные сети, структуры власти и локальная культура — ограничивает экономические процессы и действия; Марк Грановеттер (Mark Granovetter) стал прародителем сетевых исследований, но идейно за большинством начинаний эмпирических исследователей в данном направлении стоит Харрисон Уайт (Harrison White). Медленно и почти незаметно начали формироваться подлинные альтернативы стандартному экономическому анализу. В своих работах по исследованию рынков Х. Уайт произвёл наиболее значимую формализацию этих альтернатив. Работы Вивианы Зелизер (Viviana Zelizer) по страхованию жизни, ценности детей и использованию денег привели к формализации культурного подхода. В настоящее время прослеживаются три подхода, которые сама Зелизер называет расширительным (Extension), контекстуальным (Context) и альтернативным (Alternative). Каждый имеет влиятельных сторонников и широкомасштабные исследовательские программы⁶. Я себя отношу к приверженцам «альтернативного» подхода, если иметь в виду мои публикации «Труд при капитализме» и «Продолжительное неравенство» [Tilly, Tilly 1998; Tilly 1999] в качестве наиболее существенных вкладов в это направление.

— *В последнее десятилетие социологические попытки объяснить общества современного типа выглядят как попытки пересмотреть теории Модерна, предложенные, например, Ю. Хабермасом и Э. Гидденсом, и даже их отвергнуть, как это делают, например, постмодернисты. Как Вы относитесь к этим дебатам? Считаете ли Вы, что мы можем надеяться на разработку хорошего инструментария для понимания обществ современного типа?*

— Я надеюсь, что мы отбросим стерильные дебаты модернистов и постмодернистов в пользу анализа широкомасштабных процессов, где бы и когда бы они ни проходили.

— *Среди интеллектуалов Латинской Америки распространено мнение, что «колониальное прошлое» существенным образом сказалось на особенностях устройства обществ, экономик, культур и политических институтов в этом регионе. Именно поэтому считается, что латиноамериканские общества должны иметь собственный путь развития, отличный от европейского и американского. Каково Ваше мнение по данному вопросу?*

— Хотя действительно исторические последствия испанского, португальского, британского и американского колониального доминирования в значительной степени повлияли на латиноамериканское развитие, идея его объяснения лишь в колониальных терминах — не говоря уже о его разнообразии — представляется мне далеко не лучшей интеллектуальной стратегией. Как показывает работа Мигеля Сентено и Фернандо Лопеса Алвесы (Miguel Centeno & Fernando Lopez-Alves) «Другое зеркало» [Centeno, Lopez-Alvez 2000], исследователи развития Латинской Америки имеют в своём распоряжении гораздо более богатый интеллектуальный потенциал.

— *Вы регулярно преподаёте на уровне бакалавриата, а также привлекаете большое число исследователей и студентов к работе Вашего семинара по конфликтной политике. Какую связь Вы видите между преподавательской и исследовательской деятельностью?*

⁶ По мнению В. Зелизер, приверженцы расширительного подхода применяют более или менее стандартные экономические модели к изучению социальных явлений. Сторонники контекстуального подхода рассматривают социальные явления как условия, которые стимулируют и одновременно ограничивают экономические действия (например, в концепции укоренённости). Альтернативный же подход позволяет показать, как во всех сферах хозяйственной жизни люди создают, поддерживают и трансформируют наполненные многочисленными смыслами социальные отношения (см., напр.: [Zelizer 2005: 336]). — *Примеч. науч. ред.*

— Необходимо разделять преподавание на бакалаврских и магистерских курсах. Хорошее преподавание на уровне бакалавриата предполагает значительное упрощение материала, что не сильно помогает исследованиям, за исключением того, что даёт возможность понять, какие идеи относительно легки или сложны для понимания образованной публикой. Преподавание в магистратуре совершенно иное, поскольку ты стараешься приобщить студентов к своему ремеслу. Когда всё идёт правильно, магистры начинают задавать вопросы, ставить проблемы и получать результаты, которые значительным образом влияют на твою собственную работу.

— Известно, что Вы отлично читаете лекции не только по научной тематике, но и о художественной литературе. Известно также, что Вы в качестве хобби сочиняете стихи. Как поэзия (и литература в целом) помогает Вам в академической деятельности, например, в какой степени она служит источником для вдохновения?

— Точно так же как регулярные утренние упражнения помогают мне оценить, как много усилий требуется для подъёма по лестнице или отказа от такси в конце рабочего дня, регулярные поэтические сочинения способствуют усовершенствованию ритма и воздействию моей прозы и к тому же дают мне возможность помогать моим студентам — писать яснее и структурированнее. Что касается источников для вдохновения, то поэзия строится на метафорах и поэтому располагает человека (по крайней мере меня) к восприятию неожиданных аналогий, которые помогают передавать сложные и необычные идеи.

Литература

- Centeno M., Lopez-Alvez F. 2000. *The Other Mirror: Grand Theory Through the Lens of Latin America*. Princeton: Princeton University Press.
- Hogan R. 2004. Charles Tilly Takes Three Giant Steps from Structure Toward Process: Mechanisms for Deconstructing Political Process. *Contemporary Sociology*. 33(3): 273–278.
- Smelser N., Swedberg R. (eds.). 1994. *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press.
- Tilly Ch. 1978. *From Mobilization to Revolution*. New York: McGraw-Hill.
- Tilly Ch. 1984. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation.
- Tilly Ch., Tilly Ch. 1998. *Work Under Capitalism*. Boulder: Westview Press.
- Tilly. Ch. 1999. *Durable Inequality*. California: California University Press.
- Tilly Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly Ch. 2004a. *Contention and Democracy in Europe, 1650–2000*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly Ch. 2004b. *Social Movements, 1768–2004*. Boulder: Paradigm Press.
- Zelizer V. 2005. Culture and Consumption. In: Smelser N., Swedberg R. (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. 2d ed. Princeton: Princeton University Press.

Интервью взято Анхелой Алонсо (Angela Alonso) и Надей Араухо Гимараеш (Nadya Araujo Guimarães).